

На правах рукописи

БЕЛОВА Ирина Борисовна

**ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ:
БЕЖЕНЦЫ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ. 1914 – 1925 гг.
(По материалам центральных губерний
Европейской России)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Брянск – 2015

Работа выполнена на кафедре отечественной истории факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского»

Научный консультант:

Брянцев Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Булдаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской академии наук (РАН)», главный научный сотрудник

Карпачёв Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», заведующий кафедрой истории России

Шацлло Вячеслав Корнельевич, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук (РАН)», ведущий научный сотрудник

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Защита диссертации состоится «23» апреля 2015 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.020.02 при ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского» по адресу: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, ауд. 320 факультета истории и международных отношений.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского» и на сайте <http://istsovet-brgu.ru/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2015 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

А.В. Федин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Первая мировая война, ставшая результатом целого комплекса межгосударственных противоречий, не привела в итоге к их разрешению. При этом она сопровождалась огромными, невиданными до этих пор, жертвами. Число оказавшихся в плену за годы войны превосходит общее количество военнопленных за весь учтённый предшествующий период времени. В России потери населения составили около трети всех прямых и косвенных потерь, понесённых всеми государствами в этой войне. Сотни тысяч мирных граждан погибли от голода и болезней в прифронтовых российских районах¹. Миллионы гражданского населения стали беженцами.

В советский период судьба российских беженцев Первой мировой войны не являлась объектом сколь-либо пристального внимания историков, а изучение темы военного плена сводилось к рассмотрению деятельности в России вооружённых интернациональных формирований с участием военнопленных. Перемены начала 1990-х гг. способствовали появлению интереса к многоаспектности проблемы военного плена и началу изучения такого явления как массовое беженство в России. В настоящее время, несмотря на значительное количество исследований, посвящённых этим проблемам, уровень их изученности остается недостаточным. В историографии отсутствует, например, сравнительный анализ положения беженцев и военнопленных в царской и Советской России, объективная оценка деятельности советских эвакуационных органов по репатриации вынужденных мигрантов военного времени, неизученными остаются и другие вопросы.

Актуальность исследования во многом обусловлена тем, что к настоящему времени проблема миграций в целом и беженства в частности обострилась. В XXI в., когда военные конфликты, как и прежде, являются одной из форм межгосударственных и межнациональных отношений, все сопутствующие им проблемы сохраняют свою актуальность. Все менее предсказуемый и управляемый характер приобретают всевозможные миграции во всем мире, все более острый характер принимает проблема отношения к вынужденным мигрантам, их адаптации в новой социокультурной среде. Сталкиваясь с этими проблемами, общество, так или иначе, вынуждено обращаться к истории, к опыту решения аналогичных вопросов в прошлом.

Объектом исследования стали вынужденные мигранты Первой мировой войны, а именно: беженцы, а также вражеские и бывшие русские военнопленные, находившиеся в российской провинции в период с августа 1914 по 1925 г.

Предметом исследования являются отношения и взаимодействия, происходившие в рассматриваемый период между центральными, местными органами власти, коренным населением и вынужденными мигрантами военного

---

¹ См.: Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: В 4 книгах. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. редактор Г.Д. Шкундин. С. 629, 631–632.

времени – беженцами, иностранными военнопленными, возвращавшимися на родину русскими пленными; социально-экономическая, общественно-политическая действительность, её трансформация и восприятие беженцами и военнопленными; социально-правовая политика правительств царской и Советской России.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы воссоздать целостную картину положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Российской империи, проследить, как оно изменилось в советской России и каким был путь вынужденных мигрантов на родину. Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- проанализировать направления и итоги изучения отечественными и зарубежными историками проблемы беженцев и военнопленных Первой мировой войны;

- рассмотреть процесс формирования и функционирования имперской системы обеспечения нужд беженцев Первой мировой войны, размещённых в тыловых губерниях;

- исследовать положение военнопленных и интернированных («гражданских» пленнх) в рассматриваемом регионе в имперский период;

- осветить создание советского эвакуационного аппарата, в ведении которого находились вынужденные мигранты военного времени, и рассмотреть основные направления его деятельности;

- выделить этапы и способы возвращения на родину беженцев и иностранных военнопленных, проанализировать результативность деятельности Центропленбежа / Центрэвака по реэвакуации;

- выявить отношение беженцев к помощи и заботе о них в дореволюционной и Советской России;

- дать оценку деятельности Центропленбежа и его преемников по обеспечению возвращения на родину бывших русских военнопленных;

- показать процесс реализации принимаемых советским государством решений, направленных на оказание помощи вынужденным мигрантам Первой мировой войны;

- проанализировать направления и оценить степень эффективности культурно-просветительной работы Центропленбежа и его органов на местах среди русских и иностранных военнопленных, а также беженцев;

- проследить основные формы и способы выживания беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Советской России в условиях отсутствия реэвакуации;

- осветить стихийное переселение беженцев из центральных губерний Европейской России в хлебопроизводящие районы и отношение к нему центральной и местных властей.

Хронологические рамки исследования охватывают период с августа 1914 до середины 1925 г. Нижняя временная граница обусловлена вступлением России в Первую мировую войну, началом боевых действий и появлением на территории империи беженцев и военнопленных. Верхней хронологической границей исследования стал 1925 г., когда была окончательно завершена репатриация военнопленных и беженцев из Советской России и возвращение в страну русских военнопленных.

Территориальные рамки исследования охватывают половину всех центральных губерний Европейской России в границах 1914 г., а именно: Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую. Их общая площадь составляла более 250 тыс. кв. км., а численность населения – около 16 млн чел. Исследуемые губернии сохранили свои названия и продолжали существовать в прежних границах с небольшими изменениями и после смены власти в октябре 1917 г. 1 апреля 1920 г. из Жиздринского уезда Калужской губернии и Брянского, Карачевского, Севского и Трубчевского уездов Орловской губернии была образована Брянская губерния, которая также включена в территориальные рамки исследования. Центральный регион в контексте заявленной проблемы исследуется впервые. Включая в себя как «производящие», так и «потребляющие» губернии и уезды, данный регион является типичным для Европейской России. На территории региона было размещено значительное количество беженцев и военнопленных Первой мировой войны – более 450 тыс., поэтому происходившие здесь политические, социально-экономические, демографические процессы позволяют достаточно полно увидеть проблему российского беженства и военного плена. В ряде случаев для раскрытия задач исследования его территориальные границы расширяются и захватывают западные губернии Российской империи, в основном ставшие после её крушения самостоятельными государствами.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественной историографии советского периода проблемы вынужденных мигрантов Первой мировой войны находились на периферии научного внимания, а обращение отечественных авторов к анализу роли бывших вражеских военнопленных в Гражданской войне имело идеологически заданный характер. Существенное изменение ситуации и оценок происходит в 1990-е гг. Следует отметить, что тема привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных историков. Историографический анализ проблематики миграций в годы Первой мировой войны представлен в § 1.1.

Источниковая база исследования. Выводы работы основаны на анализе документов в общей сложности из ста фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), семи региональных архивов центрального региона Европейской России – Государственных архивов Брянской, Воронежской,

Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской областей, Государственного архива документов новейшей истории Калужской области, а также фондов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). Большинство использованных автором архивных материалов вводится в научный оборот впервые.

Крупнейшим массивом документов по истории вынужденных мигрантов Первой мировой войны в 1914 – 1925 гг. обладает ГА РФ. Материалы, содержащие информацию о положении беженцев и вражеских военнопленных в центральных губерниях Европейской России до февраля 1917 г., сосредоточены в фонде Департамента полиции МВД (Ф. 102, 4-е Делопроизводство и Особый Отдел).

Важное значение для раскрытия заявленной темы по советскому периоду имели материалы фондов Р-3333 (Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) / Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) и Р-393 (НКВД), хранящихся в ГА РФе, а также 28 фондов губернских и уездных коллегий по делам пленных и беженцев / управлений по эвакуации населения, которые сосредоточены в государственных региональных архивах центральных областей. Документы этих фондов содержат материалы, позволяющие характеризовать экономическое, социальное, политико-правовое положение вынужденных мигрантов Первой мировой войны в России и способствующие разрешению задач, поставленных в исследовании.

В РГВИА автор обращался к материалам фонда Отдела по устройству беженцев Всероссийского Земского и Городского союзов (Ф. 13273), содержащим интересные сведения об организации и работе местных благотворительных комитетов по оказанию помощи беженцам.

К исследованию привлекались документы из трех фондов НАРБ, в т.ч. материалы фонда 4 (Белорусский национальный комиссариат (Белнацком) отражающие деятельность в Советской России в 1918 – 1919 гг. эмиссаров Белнацкома по оказанию помощи белорусам-беженцам в реэвакуации, по культурно-просветительной и агитационно-политической работе в беженской среде.

Ценными коллекциями центральных и местных периодических изданий по теме исследования располагают отделы периодики Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки России.

Реализация поставленных в работе задач потребовала обращения к широкому кругу разнообразных архивных и опубликованных источников, подробная типологическая характеристика которых содержится в § 1.2.

Теоретико-методологической основой исследования являются общеметодологические принципы научного познания – принципы историзма и объективности, которые реализовывались через исследовательские методы. В работе в рамках системного подхода к изучаемой проблематике использовались как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и объяснение),

так и специальные исторические методы исследования (историко-генетический, историко-компаративный, ретроспективный, проблемно-хронологический, периодизации, количественный).

В качестве основных *подходов* были выбраны *логический и системный анализ*. *Логический анализ* изучаемых процессов и явлений способствовал выделению существенных фактов и событий, классификации и систематизации источников, что позволило в итоге установить направленность развития и внутреннюю закономерность исследуемых процессов и явлений. *Системный анализ* позволил рассматривать вынужденных мигрантов Первой мировой войны и властные структуры имперской и советской властей как целостную политико-социальную систему взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, действующих во временном и пространственном измерении.

Историко-генетический метод, являющийся по своей логической природе аналитическо-индуктивным анализом, позволил последовательно рассмотреть положение вынужденных мигрантов в период Первой мировой войны, проследив создание и функционирование имперской системы попечения о беженцах и управления военнопленными; выявить последующие изменения положения беженцев и военнопленных в советский период до 1925 г., изучив направления деятельности советского эвакуационного аппарата, в ведении которого находились вынужденные мигранты военного времени; показать взаимодействие центральных и местных органов власти в проведении государственной политики в отношении вынужденных мигрантов.

Историко-генетический метод дополнялся *количественным*, который применялся при анализе больших массивов статистических данных при установлении национального, половозрастного, численного состава вынужденных мигрантов.

Ретроспективный метод с его направленностью познания от следствия к причине использовался для выявления и анализа причин, обусловивших как содержание, так и результаты эвакуационной и культурно-просветительной деятельности Центропленбежа / Центрэвака по отношению к беженцам, иностранным и русским военнопленным. Метод также способствовал выявлению причин сходного отношения вынужденных мигрантов к агитационно-пропагандистским усилиям советской власти.

При помощи *историко-компаративного метода* был осуществлён сравнительный анализ дореволюционной и постреволюционной государственной политики по отношению к вынужденным мигрантам и выявлены принципиальные различия в подходах к решению их проблем. Сравнительный анализ выявленных способов репатриации мигрантов Первой мировой войны позволил дать объяснение одновременного существования этих способов репатриации.

В соответствии с *проблемно-хронологическим методом* тема исследования

разделена на несколько более частных проблем, рассмотренных в хронологической последовательности.

С помощью *метода периодизации* внутри хронологических рамок исследования были выделены два качественно различных временных отрезка, которые соответствуют досоветскому (июль 1914 – октябрь 1917 г.) и советскому периоду истории России (октябрь 1917 – 1925 г.)

Охват диссертационным исследованием широкого круга проблем сделал целесообразным обращение к междисциплинарным подходам и методам. В рамках *историко-антропологического подхода* решалась, в частности, задача выявления основных форм и способов выживания беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Советской России в условиях отсутствия реэвакуации. *Метод контент-анализа* был использован в качестве одного из необходимых с целью выявления и измерения различных фактов и тенденций, отраженных в воспоминаниях беженцев Первой мировой войны. В результате были выявлены, количественно измерены и переведены в качественные представления особенности, характеризующие положение беженцев во время эвакуации 1915 г. в тыловые губернии Российской империи, а также особенности их жизни в местах временного размещения до и после октября 1917 г. и по возвращении на родину.

Статистический анализ как метод исторической демографии применялся для выявления количества вынужденных мигрантов в исследуемом регионе, их половозрастного и национального состава; оценки общего количества беженцев и военнопленных в России, численности вынужденных мигрантов, возвратившихся на родину самостоятельно и репатриированных в плановом порядке. Метод позволил показать масштабы стихийных переселенческих движений с участием беженцев в России в 1920 – 1921 гг.

Необходимым представляется пояснение понятийно-категориального аппарата, используемого в данной работе. Под *вынужденными мигрантами военного времени* автор понимает всех лиц, независимо от их возраста, пола, национальной принадлежности, подданства (гражданства), рода занятий, которые в результате ведения боевых действий оказались перемещёнными (как добровольно, так и принудительно) внутри страны или из одной страны в другую. С началом Первой мировой войны передвижение населения по стране стало определяться особенностями военного времени. Одним из видов перемещения стало движение большого количества мобилизованных в направлении фронта. В противоположную сторону было направлено движение раненых, военнопленных, беженцев, интернированных, депортированных, ставших вынужденными мигрантами. В центре настоящего исследования находятся две категории вынужденных мигрантов Первой мировой войны – беженцы и военнопленные. В силу логики исследования в работе затрагиваются и такие категории вынужденных мигрантов, как эвакуированные, интернированные («гражданские»

пленные) и депортированные лица. При трактовке терминов автор исходил из того, как эти термины толковались законодательством рассматриваемого периода.

Научная новизна предпринятого автором исследования обусловлена поставленной проблемой и полученными результатами. В диссертации с привлечением новых главным образом архивных источников, с учетом достижений современной отечественной и зарубежной историографии впервые комплексно исследовано положение мигрантов военного времени – беженцев и военнопленных Первой мировой войны, в 1914 – 1925 гг. на примере центральных губерний Европейской России.

В работе излагается авторская концепция об экономической основе устройства беженцев Первой мировой войны в тыловых губерниях Российской империи, причинах и способах разрушения досоветской системы попечения о беженцах. Показан первоисточник возникновения в начале 1918 г. стихийного и беспорядочного перемещения по стране и отъезда на родину вынужденных мигрантов Первой мировой войны.

Прослежена история возникновения и кратковременного функционирования Советов беженцев, обозначены причины их ликвидации.

Освещена система действий большевистской власти по привлечению беженцев и иностранных военнопленных к военной службе и принудительным работам.

В исследовании дается авторский взгляд на причины отсутствия массовых публичных проявлений недовольства советской властью со стороны русских военнопленных, стихийно в массовом порядке возвращавшихся на родину в конце 1918 – начале 1919 гг.

Обоснованы коррективы, внесенные в существующее в историографии представление об особой результативности агитационно-пропагандистской работы Центропленбежа / Центрэвака среди вынужденных мигрантов, а также об объеме репатриационной деятельности этой организации.

Показана неэффективность мер, принимавшихся советским правительством по регулированию переселенческих движений в России с участием вынужденных мигрантов в 1920 – 1921 гг., а также определено значение стихийного движения для переселенцев.

Осуществлен контент-анализ воспоминаний беженцев с целью выявления их отношения к своему положению, к власти, к коренному населению.

Значительная часть выявленных в архивохранилищах и положенных в основу исследования документов впервые введена диссертантом в научный оборот. В наибольшей степени это касается хранящихся в региональных архивах фондов губернских и уездных коллегий по делам пленных и беженцев, управлений по эвакуации населения, отделов управления губисполкомов, уездных земельных управлений.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Российская государственная власть в 1915 г. в связи с массовой эвакуацией населения из прифронтовых районов, обусловленной военными обстоятельствами, решила комплекс проблем, включая финансирование и правовое обеспечение этого крупномасштабного мероприятия. Была налажена согласованная деятельность административно-исполнительной власти, самоуправлений, благотворительных организаций. В результате при поддержке населения были успешно решены задачи по размещению большинства беженцев у состоятельных сельских хозяев в тыловых губерниях, имевших запасы хлеба, снабжению их продовольственным и квартирным пайками, медико-санитарной помощью, заработком, игравшим значительную роль в обеспечении их материального достатка.

2. Пребывание в центре Европейской России военнопленных в период Первой мировой войны было обусловлено исключительно их использованием в качестве рабочей силы, прежде всего сельскими хозяевами, которые как работодатели несли все расходы по их доставке, содержанию и охране. Режим «изоляции военнопленных от внешнего мира», который пыталось установить Министерство внутренних дел, не был воплощен в жизнь вплоть до окончания войны.

3. Центральные губернии Европейской России стали специальным местом высылки интернированных военнообязанных подданных Османской империи из приграничных территорий Кавказского региона. Основным источником их существования являлся их собственный труд. Немцы-колонисты и евреи русского подданства, высланные в качестве превентивной меры военными властями из приграничных районов империи, в случае отсутствия у них средств к существованию получали беженское пособие.

4. Со сменой политического режима в октябре 1917 г. вследствие экономической политики, проводимой большевистским руководством, досоветская система попечения о беженцах и управления военнопленными не могла дальше функционировать, лишившись своей экономической основы. Это привело к неконтролируемому перемещению по стране вынужденных мигрантов Первой мировой войны в поисках пропитания и их несанкционированному отъезду на родину ещё до создания системы советских эвакуационных органов.

5. Всероссийский Союз беженцев, объявив курс на сотрудничество с большевиками, принял широкую программу государственной помощи беженцам как до реэвакуации, так и в процессе её проведения, а также сразу по возвращении их на родину. Для осуществления программы были созданы местные Советы беженцев. Довольно скорая их ликвидация была обусловлена отказом новой власти от финансирования программы по государственному обеспечению беженцев и от привлечения Советов беженцев к участию в реэвакуационном процессе.

6. Созданный в 1918 г. советский эвакуационный орган Центропланбеж не смог осуществить разработанный им план реэвакуации беженцев, основанный на территориальном принципе. В итоге основным способом реэвакуации стал их самостоятельный отъезд из Советской России.

7. Проводимая большевиками политика усложнения выхода из российского гражданства, препятствовала возвращению беженцев на родину и имела целью привлечь их к отбыванию воинской повинности. Беспрепятственно отправлялись на родину беженцы, а также военнопленные, являвшиеся членами коммунистической партии.

8. Беженцы стали участниками массового стихийного переселенческого движения крестьян в районы Сибири, вызванного неурожаем хлебов и трав в центральных губерниях Европейской России в 1920 г. Отношение центральной власти к самовольному движению беженцев было резко отрицательным, чего не наблюдалось со стороны местных властей, стремившихся как можно скорее разгрузить свои регионы от пришлого беженского населения. Более масштабное, чем в 1920 г., движение-бегство беженцев Первой мировой войны в направлении западной границы из охваченных голодом районов Поволжья в 1921 г. вынудило Центрэвак заняться вопреки своей прежней запретительной политике репатриацией этих беженцев в Польшу и Прибалтийские государства.

9. Проведенное исследование позволяет считать период пребывания беженцев в российских тыловых губерниях до октября 1917 г. наименее трудным и спокойным периодом трагической истории их беженской жизни.

10. Около 7 % находившихся в России на начало 1918 г. иностранных военнопленных приняли участие в Гражданской войне как на стороне красных, так и белых, как по собственной воле, преимущественно из-за отсутствия у них средств к существованию, так и в принудительном порядке. Это свидетельствует о слабом воздействии советской политической пропаганды и агитации на беспартийную массу военнопленных.

11. Половина бывших русских военнопленных возвращалась на родину самостоятельно в основном в конце 1918 – начале 1919 гг. Обоснованное недовольство приемом, оказанным им на родине, не сопровождалось, однако, его массовыми публичными проявлениями по отношению к новой власти. Тем не менее бывшие русские пленные не выражали желания защищать завоевания революции и новую власть, отказываясь в массе своей добровольно вступать в Красную армию, несмотря на агитационно-пропагандистские усилия большевиков. Материальная помощь, оказываемая возвращавшимся русским военнопленным, была недостаточной и труднодоступной из-за неудовлетворительного её финансирования. Она имела явно декларативный, пропагандистский характер.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов и выводов в научной деятельности при дальнейшем

изучении проблем, связанных с историей вынужденных мигрантов Первой мировой войны, миграций в России, написании обобщающих трудов по истории России, Первой мировой войны, беженства и военного плена, а также в научно-педагогической деятельности при подготовке общих и специальных лекционных курсов, семинарских занятий по отечественной и всеобщей истории, историографии, при написании учебных пособий, выпускных квалификационных работ. Материалы по проблематике исследования на протяжении нескольких лет применяются диссертантом в образовательном процессе: им разработан и ведется специальный курс для студентов-магистрантов исторического факультета Калужского госуниверситета. Ряд выводов и фактических данных, имеющих в публикациях диссертанта, вошли в научный оборот и используются исследователями.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на научно-практических конференциях различного уровня, в т.ч. 11 международных, среди которых: «Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность» (Витебский ГУ, 11–12 ноября 2008 г.); «История сталинизма: репрессированная российская провинция» (Смоленский ГУ, 9–11 октября 2009 г.); «Первая мировая война, Версальская система и современность» (СПбГУ, 7–8 октября 2011 г.); «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки» (Москва, Академия МНЭПУ, 29–30 ноября 2012 г.); «Empires and Nations» (Рим, университет Сапиенца, 20–22 июня 2013 г.); «Россия в Первой мировой войне» (Москва, НИУ ВШЭ, 3–5 июня 2014 г.), «Europe on the move, 1914–1918» (Англия, Манчестерский университет, 26–27 июня 2014 г.), «Первая мировая война – пролог XX века» (ИВИ РАН, МГУ, МГПУ 8–10 сентября 2014 г.).

Кроме того, положения и выводы исследования отражены в двух монографиях, а также в статьях и докладах, 16 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК. Общий объем публикаций по теме исследования составляет свыше 65 п.л. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского» и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Цель и основные задачи исследования определили его структуру, в основу которой положен проблемно-хронологический принцип. Исследование состоит из введения, шести глав, разделенных на параграфы, заключения, приложений, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность исследования, определены его цель и задачи, сформулированы объект и предмет, очерчены его хронологические и территориальные рамки, кратко охарактеризованы степень научной разработанности темы и источниковая база, сформулированы основные положения, вносимые на защиту, и тезисы, заключающие в себе новизну исследования, изложены теоретико-методологические основы, практическая значимость работы, а также данные по апробации.

Первая глава «Историографические и источниковедческие проблемы исследования» состоит из двух параграфов. **В первом параграфе** проанализирована и оценена степень научной разработанности проблематики вынужденных мигрантов Первой мировой войны в отечественной и зарубежной историографии. В отечественной историографии советского периода, как уже отмечалось, проблематика вынужденных мигрантов Первой мировой войны не изучалась, исключение составляли исследования, посвященные военнопленным-интернационалистам, принявшим участие в Гражданской войне в России на стороне красных. Поскольку изучение проблем вынужденных мигрантов Первой мировой войны началось в постсоветское время, диссертантом использован проблемно-тематический принцип построения материала вместо традиционного хронологического.

Историография *беженства* Первой мировой войны начала складываться в России лишь в 90-е гг. XX в. Практически одновременно, в 1997 – 1999 гг., появились исследования российских историков А.Н. Курцева² и В.В. Хасина³ а также английского историка П. Гетрелла⁴, профессора Манчестерского университета, в которых рассматривается положение беженцев Первой мировой войны в Российской империи. С 2000-х гг. проблематика беженства в Российской империи изучается белорусскими историками В.С. Утгоф, С.Ф. Лапановичем, В.В. Скалабаном и др.⁵, а также исследователями из Прибалтики и Германии⁶.

² Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории (далее – ВИ). 1999. № 8; *Его же*. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997; и др.

³ Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 1. Саратов, 1997; Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.

⁴ Gatrell P. Refugees in the Russian Empire, 1914–1917 // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. London–Sydney–Auckland, 1997; Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999; Гетрелл П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 112–125; *Его же*. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 46–72.

⁵ Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; Лапановіч С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914–кастрычнік 1917 г.). Мінск, 2010; Скалабан В. В.

Проблема беженцев на территории украинских губерний в 1914 – 1918 гг. исследуется Л.Н. Жванко (Украина)⁷.

Ряд современных исследований посвящён проблеме еврейского беженства в России⁸. В исследованиях последних лет широко представлена тематика, связанная с общественно-политической и социально-экономической обстановкой в российской провинции имперского военного периода⁹. В этих работах в качестве одного из направлений рассматриваются и миграционные процессы, связанные, в частности, с эвакуацией беженцев в тыловые губернии России, их размещением и созданием системы попечения о них. Организационную сторону деятельности наиболее значимого общероссийского комитета Российской империи, оказывавшего помощь беженцам – Татьянинского рассмотрела И.П. Павлова¹⁰.

С конца 1990-х гг. появляются исследования, посвященные судьбе беженцев Первой мировой войны в *Советской России*. Следует отметить работы Н.В. Лахаревой, где впервые комплексно исследуется положение беженцев в Курской

Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006; и др.

⁶ *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18–31; *Каспяровичус А.* Первая мировая война: литовское общество и его историческая память // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей международной науч.-практ. конференции. Калининград, 2013. С. 297–304; *Westerhoff C.* German Labor and Occupation Policy in the western parts of the Russian Empire during the First World War // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

⁷ *Жванко Л. М.* Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.) - Рукопис. Автореферат на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Харків, 2013; и др. работы.

⁸ *Пивоварчик С.А.* Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005; *Гольдин С.* Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причина формирования негативного стереотипа // Там же; *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005; *Златина М.А.* Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010; и др.

⁹ *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; *Букалова С.В.* Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 г.): дисс. ... канд. ист. наук. Орёл, 2005; *Ерёмин И.А.* Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918): дисс. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006; *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; *Шишкина С.Ю.* Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917). Тюмень, 2006; и др.

¹⁰ *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. С. 78–102.

губернии в 1918 – 1925 гг.¹¹ Существуют различные оценки эффективности агитационно-пропагандистской деятельности большевиков в отношении беженцев. Так, И.П. Щеров в своих работах о деятельности Центропленбежа и его органов в Смоленском крае пришёл к выводу о позитивном отношении мигрантов Первой мировой войны к советской власти в связи с тем, что они служили в Красной армии¹². Латвийские историки Т. Бартеле и В. Шалда, напротив, считают, что основная масса беженцев была настроена на немедленное возвращение на родину, и беспартийные латыши различными способами старались избежать призывов в Красную армию, чтобы не участвовать в противоборстве красных и белых¹³.

С середины 1990-х гг. стали появляться работы об открытии в различных регионах страны в 1919 – 1920 гг. концентрационных лагерей принудительных работ. Исследователи отмечают, что контингент этих лагерей составляли, в т. ч., и беженцы Первой мировой войны¹⁴. Большинство историков-демографов оценивают общую численность беженцев в России к концу Первой мировой войны примерно в 7,5 млн человек¹⁵.

Несмотря на наличие исследований по ряду аспектов беженской проблематики, историкам ещё предстоит оценить политику, проводимую советским правительством, Центропленбежем и преемниками этой организации по отношению к беженцам, дать сравнительную характеристику положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в имперской и Советской России, ответить на вопрос о том, как сами беженцы оценивали помощь и заботу о них в дореволюционной и Советской России.

Первый этап изучения *военного плена* соответствует советскому периоду отечественной историографии. В 1920 г. была издана книга Н.М. Жданова, где помимо русских военнопленных автор уделил внимание вопросу размещения вражеских военнопленных на территории России, осветил работу Русско-

---

¹¹ Лахарева Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1999; *Её же*. Резэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). Курск, 2001.

¹² Щеров И.П. Смоленский пленбеж: создание и деятельность. Смоленск, 2000; *Его же*. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000; *Его же*. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000.

¹³ Бартеле Т., Шалда В. Указ. соч.

¹⁴ См.: Белова И.Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I; Силина И.Г., Щетинина А.С. Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005.

¹⁵ См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. С.Г. Струмилина. М.-Л., 1930; Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991; Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1917–1989 гг.). СПб., 1996; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986; *Его же*. Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. М., 2009.

Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными, созданных в 1918 г., после заключения Брестского мира¹⁶.

Основным направлением исследований советских и зарубежных авторов левой социалистической ориентации была история интернациональных формирований из бывших военнопленных, принимавших участие в Октябрьской революции и Гражданской войне в России. Советскими историками затрагивались и другие аспекты проблемы неприятельских военнопленных, но в качестве исключения и в «непрофильных» работах¹⁷. Вопрос, нашедший отражение в ряде исследований как советского, так и постсоветского периода – численность вражеских военнопленных, взятых российской армией, которая, по разным оценкам, составляет от 1,7 до 2,4 млн человек¹⁸.

Разработка таких вопросов, как правовое положение иностранных военнопленных Первой мировой войны в имперской и Советской России, условия их труда и повседневной жизни в плену, взаимоотношения с местным населением, активно началась отечественными историками с конца 1990-х гг. Следует отметить работы С.Н. Васильевой¹⁹, ставшие одними из первых по данной проблеме, в них, в частности, освещены вопросы управления военнопленными и их расселение. Различные аспекты военного плена в Советской России рассматривают зарубежные исследователи Х. Лейдингер, В. Мориц, Р. Нахтигаль²⁰. Так, Р. Нахтигаль выделяет этапы процесса возвращения домой военнопленных и кратко характеризует их. Неконтролируемое стихийное возвращение в декабре 1917 – июле 1918 гг. он именует «диким». В этот период уезжали финансово обеспеченные владевшие русским языком и имевшие проводников военнопленные, и бóльшая их часть двигалась на родину через Украину²¹.

В ряде работ отечественных и зарубежных исследователей освещена тема организации в составе русской армии в годы Первой мировой войны национальных воинских формирований из военнопленных-славян, истории

---

¹⁶ Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Часть I, II и III. М., 1920.

¹⁷ См., например: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.

¹⁸ Жданов Н.М. Указ. соч.; Волков Е.З. Указ. соч.; Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3; Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // ВИ. 1963. № 2; Степанов А.И. Указ. соч. С. 630.

¹⁹ Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Её же*. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. М., 1999.

²⁰ Leideinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Böhlau Verlag, Wien u.a., 2003; Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Rußland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Herausgegeben von Jochen Oltmer. Paderborn, 2006; Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142–156.

²¹ Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen... S. 241, 245.

Чехословацкого корпуса²². Вопросы организации военного плена в различных регионах России преимущественно в имперский период нашли отражение в монографиях и диссертационных исследованиях²³.

Тема участия военнопленных-интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в России по-прежнему находит отражение в современных исторических работах, но, если советскими историками были сделаны выводы о поддержке большинством военнопленных идеи мировой революции и защиты революционных завоеваний в России под влиянием большевистской агитации и пропаганды, то с 1990-х гг. исследователями признаётся участие вражеских военнопленных в Гражданской войне в России как на стороне большевиков, так и на стороне антибольшевистских сил, а также тот факт, что большинство военнопленных стремилось избежать участия в российской междоусобице²⁴.

Надо отметить недостаточную изученность проблемы репатриации военнопленных из Советской России. Требуется прояснения вопрос о результатах деятельности среди иностранных военнопленных культурно-просветительных отделов Центропленбежа в центре и на местах, вопросы о мотивах вступления военнопленных в вооруженные формирования Красной и белых армий и перемены гражданства, о принудительной мобилизации военнопленных.

---

²² См., например: *Базанов С.Н.* Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды института Российской истории. Вып. 11. М., 2013; *Солнцева С.А.* Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) // ВИ. 2000. № 4–5; *Беллецца С. А.* Выбирая свою нацию: национальная и политическая идентичность итальянских военнопленных в России (1914 – 1921 гг.) // Доклад на международной конференции «Россия в Первой мировой войне» 3-5 июня, 2014 г., ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizIRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014); *Свольшак П.* Словенские военнопленные во время Первой мировой войны // Последняя война Российской Империи. М., 2006; *Цветков В.Ж.* Мятаж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6; и др.

²³ *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; *Безруков Д.А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии. 1914–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001; *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2004; *Талатин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914–май 1918): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006; *Гергилёва А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; *Kokebayeva G.K.* Central powers prisoners of war in Russia and their repatriation // European science and technology. October 30th–31st. 2012. Vol. II. P. 35–42; *Калякина А.В.* Подданные стран-участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013; *Павлова И.П., Ивлева Т.В.* «Это люди, как и мы...»: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны – взаимное восприятие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I; *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014; и др.

²⁴ См.: *Безруков Д.А.* Указ. соч.; *Бондаренко Е.Ю.* Указ. соч.; *Гергилёва А.И.* Указ. соч.; *Идрисова Э.О.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008; и др.

Первой работой исследовательского характера о *русских военнопленных* Первой мировой войны стала книга современника событий, управляющего Российским комитетом Красного Креста, члена Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными Н.М. Жданова²⁵. В ней нашла отражение проблема возвращения на родину русских военнопленных. С начала и до окончания войны автор вполне обоснованно выделил 5 периодов военного плена.

Деятельность партийных и советских органов по политическому воспитанию возвращавшихся на родину бывших русских военнопленных освещена в работах советских историков А.А. Малькова, Э.Ю. Нечаевой и С.В. Лившица²⁶.

Общую численность русских военнопленных определяется разными исследователями от 2,4 до 4,1 млн чел.²⁷ Современные историки негативно оценивают организацию приёма русских военнопленных, массово возвращавшихся в Советскую Россию в крайне бедственном состоянии в конце 1918 – начале 1919 г.²⁸, что становилось причиной их озлобления, активного и скрытого сопротивления власти, к которому прибегали бывшие русские пленные²⁹. С середины 1990-х гг. стала изучаться проблема возвращения на родину военнослужащих Русского экспедиционного корпуса³⁰.

Представляется целесообразным дать оценку эффективности деятельности Центропленбежа и его преемников по репатриации русских военнопленных, по привлечению их *на добровольной основе* в Красную армию. Необходимо также определить истинный характер объявленных большевистским правительством мер государственной поддержки бывших русских военнопленных.

С середины 1990-х гг. в историографии начал формироваться комплекс работ, посвященных проблемам интернирования и депортации периода Первой мировой войны³¹, в частности, проблеме высылки еврейского населения из приграничных

---

²⁵ Жданов Н.М. Указ. соч.

²⁶ Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. Казань, 1971; Нечаева Э.П., Лившиц С.В. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.): депонированная рукопись. Куйбышев, 1982.

²⁷ См.: Жданов Н.М. Указ. соч. С. 70–71; Е.З. Волков Указ. соч. С. 61; Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России... (автореферат). С. 16; Степанов А.И. Указ. соч. С. 629–630.

²⁸ См.: Нагорная О.С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; Жданова И.А. Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах // Российская история. 2011. № 4.

²⁹ См.: Посадский А.В. Пленные после плена: к истории русских военнопленных Великой войны в 1918–1920 гг. // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006.

³⁰ Например: Бочарова З.С. Возвращение на родину в 1920-е годы солдат русского экспедиционного корпуса // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). 2009. № 9; и др.

³¹ Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «Центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // ВИЖ. 1996. № 6; Его же. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России 1914–1918 гг. // ВИЖ. 1997. № 1; и др.

районов в условиях военного времени³². Интернирование и депортацию историки считают мерой правомерной и обоснованной в условиях военного времени. При этом историками признаётся наличие антисемитских фобий у российского военного командования, обусловленных космополитизмом евреев, их нежеланием ассимилироваться в русскоязычной среде, критическим отношением к самодержавию³³.

Активными участниками самостоятельного переселенческого движения на восток страны в период 1917 – первой половины 1920-х гг. стали и беженцы Первой мировой войны из голодающих российских регионов, однако этот вопрос до сих пор практически не нашёл отражения в исторических исследованиях по переселенческой тематике.

Таким образом, рассмотрение научных исследований по проблеме вынужденных мигрантов Первой мировой войны показало, что на сегодняшний день неисследованным является целый ряд изложенных выше значимых аспектов этой проблематики, в т.ч. остается открытым существенный вопрос сравнительного анализа политики царской и Советской России по отношению к вынужденным мигрантам Первой мировой войны. В этой связи в настоящем диссертационном исследовании поставлены задачи, направленные на рассмотрение обозначенной проблематики.

Во втором параграфе представлен обзор источников исследования, которые отличаются по объективности материала, его полноте, информативности, репрезентативности и степени сохранности.

Первой группой источников является **законодательство** Российской империи и Советской Республики. Его анализ позволяет проследить, как формировалась государственная система попечения о беженцах и порядок управления военнопленными противника на территории страны до февральских событий 1917 г., а также рассмотреть складывание и деятельность советского эвакуационного аппарата, созданного взамен ликвидированных прежних досоветских организаций.

Среди законодательных актов военного времени имперского периода автором проанализированы «Положение о комитете ЕИВ ВК Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий» от 14 сентября 1914 г., закон «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г., «Руководящие положения по устройству беженцев», (2 марта 1916 г.), «Положение о военнопленных» (7 октября 1914 г.). Вышеперечисленные и другие законы и подзаконные акты о беженцах и военнопленных содержатся в

---

³² Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // ВИ. 2001. № 9; Гольдин С. Указ. соч.; и др.

³³ См.: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М., 2001; Пивоварчик С.А. Указ. соч.; Холквист П. Указ. соч.; и др.

многотомном «Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при Правительствующем Сенате», а также законодательных сборниках и периодических изданиях, издававшихся в военный период³⁴. Работу государственных организаций по вопросам обеспечения и реэвакуации беженцев и иностранных военнопленных Первой мировой войны, возвращения на территорию Советской Республики русских военнопленных и их дальнейшее положение регулировало советское законодательство 1917 – 1925 гг. Диссертантом использовалось наиболее полное научное издание первых декретов и постановлений СНК, ВЦИК и СТО, осуществленное в рамках документального собрания «Декреты Советской власти»³⁵, а также «Собрание узаконений и распоряжений Правительства РСФСР» и др. издания³⁶. Ряд нормативно-правовых актов привлекался автором из архивных фондов³⁷.

Внешняя политика России в период с ноября 1917 – по 1925 гг. отражена в дипломатических документах, вошедших в состав фундаментального собрания «Документы внешней политики СССР»³⁸. Сборник содержит законодательные и договорные акты Советского государства, ноты, декларации, телеграммы, радиограммы, письма послов, министров иностранных дел, их заместителей, уполномоченных НКВД, руководителей государств. **Межгосударственные договоры**, с заключением которых было связано официальное начало процесса взаимного обмена пленными и реэвакуации беженцев, являются для настоящего исследования незаменимыми источниками, которые правомерно выделить **во вторую группу**. Автором были проанализированы договоры, конвенции и соглашения Советской Республики с Германией, Австрией, Венгрией, Чехословакией, Турцией и другими странами³⁹, договоры между новыми

---

³⁴ Беженцы и выселенцы. М., 1915; Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916; Законодательные акты, вызванные войной 1914–1917: законы, манифесты, рескрипты. Т. 1–5. Сост. *Е.И. Авербах*. Вильно, 1915–1918 гг.; Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. *А.И. Овчинников*. Пг., 1916; Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916; и др.

³⁵ Декреты Советской власти. Т. 1–17. 25 октября 1917 – июль 1921. М., 1957–2006.

³⁶ Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / сост. *З.С. Бочарова*. М., 2004.

³⁷ Например: Постановление НКВД от 21 марта 1918 г. // Государственный архив Калужской области. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31; Создание Центрального реэмиграционного управления Регентским Советом Королевства Польского в России для содействия беженцам-польским гражданам в деле реэмиграции. Август 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 5–7; и др.

³⁸ Привлекались документы за 1917–1925 гг., опубликованные в первых восьми томах: Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 – 31 декабря 1918) – Т. 8 (1 января – 31 декабря 1925). М., 1957 – 1963.

³⁹ Например: Русско-Германский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. 3 марта 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 174–177; Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Венгрии, с другой, о возвращении на родину военнопленных. 21 мая 1920 г. // Там же. Т. 2. С. 539–541; и др.

государственными образованиями, возникшими на территории бывшей Российской империи после 1917 г.⁴⁰

Следует отметить, что законодательство и межгосударственные договоры, взятые сами по себе, не раскрывают процесса и итогов их практической реализации. Только их сопоставление с другими источниками даёт возможность и создаёт условия для раскрытия реального положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в центральных губерниях Европейской России в имперский и советский период, а также процесса и условий их эвакуации и реэвакуации. В связи с этим возрастает значение такого вида исторических источников, как *делопроизводственные материалы*, которые целесообразно выделить в *третью группу источников*.

Как отмечалось, основными источниками, на основе которых написано настоящее исследование, являются архивные материалы, подавляющее большинство которых составляет делопроизводственная документация, позволяющая рассмотреть как исходные позиции центральных, губернских и уездных властей, так и условия и окончательные результаты реформ и мероприятий имперской и советской властей в отношении вынужденных мигрантов Первой мировой войны.

Диссертантом были проанализированы материалы фондов канцелярий губернаторов, ГЖУ, полицмейстеров, уездных полицейских управлений, уездных исправников, губернских правлений, губернских и уездных земских управ, городских управ, которые располагают данными о положении беженцев, военнопленных, «гражданских» пленных (интернированных) Первой мировой войны в местах их временного размещения на территории Российской империи, приспособлении мигрантов к новым условиям жизни, а также о мероприятиях, проводимых властями всех уровней и населением с целью оказания помощи русским военнопленным, находившимся в плену. Перечисленные фонды содержат различные виды делопроизводственной документации, в частности, переписку учреждений, внутреннюю и организационную документацию (циркуляры, приказы, распоряжения, докладные записки, рапорты, журналы губернских совещаний по устройству беженцев), просительные документы (прошения беженцев об оказании им разного рода помощи, заявки работодателей на использование труда военнопленных в сельском хозяйстве, промышленных предприятиях).

Фонд Р-3333 (Центропленбеж / Центрэвак), хранящийся в ГА РФе, также содержит разнообразные делопроизводственные материалы (текущую переписку, организационную, распорядительную, учётную и отчётную документацию), которые чрезвычайно ценны для анализа как направления политики советских

---

⁴⁰ Например: Мирный договор между Россией и Эстонией. 2 февраля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 339; Мирный договор между Россией и Латвией. 11 августа 1920 г., Мирный договор между Россией и Литвой. 12 июля 1920 г. // Там же. Т. 3. С. 28, 101–116; и др.

властей по отношению к вынужденным мигрантам Первой мировой войны, так и положения, настроения и стратегии поведения самих беженцев и военнопленных в сложный для них период нахождения в Советской России в ожидании реэвакуации на родину. Организацию работы советского эвакуационного аппарата помогают понять его внутриведомственные нормативные документы, приказы НКВД по эвакуационному ведомству, журналы заседаний Центропленбежа и его отделов. Значительным по объёму является массив инструкций и разъяснений Центропленбежа, в т.ч. секретных⁴¹, связанных с воплощением в жизнь декретов, постановлений и приказов СНК, ВЧК и других советских органов, а также запросов с мест в центральные государственные учреждения за разъяснением тех или иных положений законодательных актов, приказов и инструкций⁴².

Интерес представляют журналы следования беженских эшелонов, годовые и ежемесячные отчеты Центропленбежа и его отделов о своей деятельности, к сожалению, содержащие много противоречивых, неполных и неточных данных. Фонд содержит также протоколы заседаний смешанных русско-германской и русско-австрийской комиссий по обмену пленными, списки военнопленных и беженцев, остававшихся в России на определённые даты, сведения о движении этих контингентов, письма беженцев, адресованные руководству Центропленбежа, председателю СНК В.И. Ленину с мольбами о помощи, с просьбами об отправках их из голодающих губерний на родину или в хлебопроизводящие губернии.

Из документов фонда Р-393 НКВД (1917–1930 гг.) для исследования представляли интерес приказы, циркуляры, инструкции, касающиеся военнопленных и беженцев Первой мировой войны; отчёты и доклады о работе иностранного отдела, заявления граждан и заключения по ним, данные о приёме или отказе в получении советского гражданства, об оптации иностранного гражданства; материалы об организации и деятельности губернских отделов принудительных работ.

подавляющее большинство делопроизводственных материалов привлечено из фондов региональных архивов центрального региона Европейской России. Первостепенное значение имеют фонды местных органов Центропленбежа – губернских и уездных коллегий по делам пленных и беженцев (с 1 сентября 1919 г. – управлений по делам пленных и беженцев, с 26 февраля 1920 г. – управлений по эвакуации населения), содержащие информацию о положении вынужденных мигрантов Первой мировой войны в Советской России в 1918 – 1925 гг. В фондах содержатся доклады и отчёты о деятельности губернских и уездных пленбежей, материалы ревизий и проверок складов местных пленбежей, переписка

---

⁴¹ К примеру, секретная инструкция председателей Центрэвака и Особого отдела ВЧК о принятии «всех возможных усилий» к задержанию на местах беженцев-специалистов (инженеров, техников, железнодорожников и др.)

⁴² Разъяснения Центропленбежа / Центрэвака давались «лично секретно» начальникам местных губэваков, например, по «правильному» применению секретных инструкций по реэвакуации беженцев Латвии.

губпленбежей с Центропленбежем, НКВД, отделами труда и соцобеспечения, в которой прослеживается несоответствие между интересами и задачами центра и региональных органов власти.

Специфической особенностью данных фондов является наличие в них преимущественно материалов уездного и волостного уровней: протоколов собраний беженцев, заседаний Советов беженцев, межведомственных совещаний, организуемых уездпленбежами с участием представителей уездных отделов соцобеспечения, земельных, отделов труда и управления, протоколов уездных съездов Советов рабочих и солдатских депутатов. Особый интерес представляют протоколы заседаний съездов представителей губернских и уездных пленбежей, проводимых совместно с делегатами от беженцев из волостей и уездов, в которых зафиксирован широкий круг обсуждавшихся насущных вопросов о необходимости, путях и возможных формах оказания помощи беженцам и военнопленным, выступления самих беженцев, ответные слова представителей советских и партийных госучреждений. Научная ценность этих документов представляется весьма высокой. Данные протоколы как нельзя ярче иллюстрируют действительную картину жизни и настроений беженцев и военнопленных, находившихся в российской провинции в условиях отсутствия реэвакуации, а также бывших русских военнопленных, которые после революций в Австро-Венгрии и Германии в ноябре 1918 г. хлынули в Россию.

Весьма значимыми для исследования стали материалы фондов отделов управления губернских и уездных исполкомов. Среди них руководящие распоряжения центральных и местных властей, касающиеся возвращения на родину беженцев и военнопленных, принятия в российское гражданство и выхода из него, организационных преобразований советского эвакуационного аппарата. Значительный массив документации представляет переписка, в т.ч. секретная, губисполкомов с иностранным отделом НКВД, с военными комиссариатами, с Центропленбежем, с отделами социального обеспечения, освещающая вопросы перемены беженцами и военнопленными гражданства, культурно-просветительной работы среди этого контингента, мобилизации в Красную армию, продовольственного снабжения населения и др.

В 1923 г. репатриацией пленных и беженцев занимались административные отделы губисполкомов, в их фондах находятся материалы о репатриации за период 1923 – 1925 гг. В фондах отделов управления губисполкомов аккумулированы материалы об организации, функционировании, контингенте концентрационных лагерей принудительных работ, в которые по постановлениям губчека, ревтрибуналов, отделов управления губисполкомов направляли наряду с коренным населением и беженцев Первой мировой войны, нарушивших запрет советских эвакуационных органов на самовольное переселение в хлебопроизводящие губернии или на родину. Источники по переселению (легализованному в середине 1920 г.) находятся также в фондах губернских и

уездных органов Центропланбежа / Центрэвака и уездных земельных отделов (управлений).

Часть делопроизводственных документов центрального и местного характера, касающихся деятельности военнопленных-интернационалистов в Советской России и за её пределами, была опубликована в сборниках документов и материалов⁴³. Они помогают в раскрытии темы агитации иностранных военнопленных за вступление в иностранные группы РКП(б), их мобилизации с помощью этих групп в Красную армию и демобилизации из неё. Для уточнения событий, связанных с созданием и работой совета германских рабочих и солдат в Москве, Центральной Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), участием интернационалистов в подавлении крестьянских выступлений против советской власти, автор обращался к современным публикациям документов⁴⁴.

Четвертую группу составляют *источники личного происхождения* (воспоминания, дневники), которые помогают восстановить и уточнить картину событий и содержат данные, отсутствующие в других источниках. Особый интерес, безусловно, представляют воспоминания, написанные самими вынужденными мигрантами Первой мировой войны. Несмотря на масштаб явления беженства и военного плена таких источников в России было создано крайне мало. Издавались лишь воспоминания бывших военнопленных, ставших на платформу советской власти. Мемуары бывших военнопленных-представителей иного политического лагеря в Советской России не печатались, как и воспоминания беженцев.

Автором проанализированы воспоминания белорусских беженцев⁴⁵, которые охватывают период от массового отъезда беженцев в августе 1915 г. до возвращения их в родные места, ставшие за время их отсутствия территорией Польского государства, и являются уникальным источником, проливающим свет на проблему беженства. Белорусский общественный деятель, литератор и историк Ф.А. Кудринский (сам ставший в 1915 г. беженцем) в период с июля по ноябрь 1915 г. включительно записал рассказы беженцев и свои личные наблюдения и впечатления об эвакуации белорусских и польских беженцев, немцев-колонистов,

---

⁴³ Интернационалисты в боях за власть советов / Под ред. М.А. Бирман, А.Я. Манусевича, И.А. Хренова. М., 1965; Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1987; Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. М., 1968; Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. М., 1968; и др.

⁴⁴ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998; Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн 1919–1943: документы / Ред. Г.М. Адиебеков. М., 2004.

⁴⁵ Бежанства 1915 года / Редактар Віталь Луба. Беласток, 2000.

составившие книгу «Людские волны. Беженцы» (Пг., 1917), перепечатанную в 1997 г. на страницах белорусского журнала «Нёман»⁴⁶.

Особый интерес представляют воспоминания председателя Всероссийского бюро военнопленных, члена ВЦИК, редактора «Известий Центропленбежа» и «Газеты пленного» И.И. Ульянова, который осветил историю создания в конце января 1918 г. Всероссийского бюро пленных⁴⁷. В воспоминаниях бывшего военнопленного А. Шипека с любопытным названием «Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах» освещается создание вооруженных формирований из военнопленных-интернационалистов⁴⁸.

В работе использованы также воспоминания других современников эпохи⁴⁹, отбравшиеся по принципу содержания в них материала по теме исследования. К сожалению, главные действующие лица советского эвакуационного аппарата мемуаров не оставили. В связи с этим несомненный интерес представляют *публицистические работы* создателя советского государства, лидера и главного идеолога коммунистической партии В.И. Ульянова-Ленина. В них отражена картина советской действительности того времени: голод, разруха, бандитизм, дезертирство, мешочничество, антисоветские настроения и выступления, и другие реалии. Автором привлекались статьи, письма, директивы, доклады и различные выступления В.И. Ленина, опубликованные в 5-м издании его Полного собрания сочинений⁵⁰ и сборнике «Декреты Советской власти»⁵¹.

Важным многоплановым источником, отражающим текущие события рассматриваемого периода (1914 – 1925 гг.) и освещающим проблемы повседневной жизни вынужденных мигрантов Первой мировой войны, является выделенная в *пятую группу* источников *периодическая печать*. Диссертант обращался преимущественно к региональным периодическим изданиям имперского периода (губернским и епархиальным ведомостям, частной периодике)⁵² и советской печати: материалам центральных и местных органов большевистской партии⁵³, изданиям исполкомов советов⁵⁴, советских

⁴⁶ Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 79–193.

⁴⁷ Ульянов И.И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 95–110.

⁴⁸ Шипек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах // Война и революция. 1928. № 2. С. 64–72.

⁴⁹ Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 2, 3, 5, 7, 8, 11; Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // ВИ. 2005. № 2, 3, 5, 7; Брусилов А.А. Мои воспоминания. Мн., 2003; Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944... // ВИ. 2000. № 2; и др.

⁵⁰ Ленин В.И. Речь на рабочей конференции Пресненского района Москвы 14 декабря 1918 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 37. С. 370–383; Его же. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов. 17 января 1919 г. // Там же. С. 412–427; и др.

⁵¹ Его же. Обращение к населению о борьбе с голодом. 29 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 344–348.

⁵² «Калужский курьер», «Орловский вестник», «Воронежский телеграф»; и др.

⁵³ «Известия Центрального Комитета РКП (б)»; «Коммуна. Орган Калужского губкома РКП (б)».

государственных учреждений⁵⁵, а также различным видам листковой литературы (объявлениям, воззваниям, обращениям)⁵⁶.

Среди советской периодики особый интерес для настоящей работы представляет специальный печатный орган Центропленбежа «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах» (июнь 1918 - январь 1919 г.), а также издание культурно-просветительных отделов Центральной и Московской коллегий о пленных и беженцах «Газета пленного» (январь-март 1919 г.). В данных газетах печатались приказы Центропленбежа, инструкции для его местных органов по вопросам реэвакуации пленных и беженцев, международные соглашения, касавшиеся обмена пленными, отчеты о деятельности культурно-просветительного отдела Центропленбежа и его местных коллегий, материалы агитационно-пропагандистской направленности (заметки с мест о торжественных встречах-митингах вернувшихся из плена русских солдат, проводах на родину бывших вражеских военнопленных и беженцев, тексты типовых резолюций, которые рекомендовалось принимать на митингах от имени пленных и беженцев, программы и речи для агитаторов), а также информация справочного характера (о пособиях и пенсиях для бывших русских пленных и т.д.).

Шестая группа источников включает как опубликованные⁵⁷, так и архивные **справочные и статистические материалы**. Следует отметить, что статистические источники советского периода о беженцах и военнопленных очень противоречивы, фрагментарны и хаотичны. Они не отражают многие вопросы, в частности, уровень смертности, заболеваемости, численность реэвакуированных и уехавших самостоятельно. В связи с этим по ним нельзя составить точное представление о численности вынужденных мигрантов, проследить динамику их возвращения на родину.

Неопубликованные архивные источники, впервые вводимые в научный оборот, материалы периодической печати, опубликованные документы, дополненные фактическими данными, почерпнутыми из научной литературы, позволяют исследовать сложную судьбу вынужденных мигрантов Первой мировой войны, находившихся в центральных губерниях Европейской России в период 1914 – 1925 гг. в условиях различных политических режимов.

---

⁵⁴ «Известия Калужского Губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»; «Известия Орловского губернского и городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»; и др.

⁵⁵ «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах»; «Газета пленного».

⁵⁶ Воззвания и объявления губернских коллегий по делам пленных и беженцев, обращения к населению эмигрантов по делам пленных и беженцев; и др.

⁵⁷ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995; Россия в мировой войне 1914–1918 гг.: (В цифрах). М., 1925; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1903–1905; Список организаций, ведающих дело помощи беженцам на 1 мая 1916 г. Вып. I. Европейская Россия. М., 1916; Справочник по эвакуации правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах. Пг., 1916; и др.

Глава II «Вынужденные мигранты Первой мировой войны в Российской империи. 1914 – 1917 гг.» состоит из четырех параграфов. *В первом параграфе* рассматривается процесс эвакуации и расселения в тыловых районах беженцев из Западных губерний, осуществленный имперской властью до начала 1916 г.

Неорганизованная миграция населения приграничных районов империи, связанная с началом войны, происходила в основном в пределах прифронтовых территорий и до лета 1915 г. не носила массового характера. Летом 1915 г. в результате стремительного наступления врага началось массовое бегство населения западных территорий, в итоге оказавшегося в районе оборонительных действий русской армии. Усилиями власти беженский поток из районов Северо-Западного и Юго-Западного фронтов был направлен в тыловые районы империи, а по пути движения развернуты врачебно-питательные пункты, помещения для ночлега. С осени 1915 г. производилась массовая перевозка беженцев маршрутными поездами вглубь страны. Для доставки до железнодорожных станций беженцев, не имевших или лишившихся собственных лошадей, перевозочных средств, был задействован автотранспорт.

До конца 1915 г. на новое место жительства удалось перевезти ожидавших отправки несколько миллионов человек. Большой интенсивностью и размерами беженского движения объясняются людские потери в основном среди маленьких детей и стариков от холеры во время их гужевого движения до железнодорожных станций. На питательных пунктах, железнодорожных станциях наблюдались большие очереди, не хватало кормов для скота.

На местах в соответствии с принятым 30 августа 1915 г. законом «Об обеспечении нужд беженцев» расселением беженцев занимались органы государственной власти и самоуправлений, а также благотворительные организации помощи беженцам. Всего на начало 1916 г. в Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Курской и Воронежской губерниях осело около 350 тыс. беженцев. В половозрастном составе беженцев преобладали дети, старики и женщины (до 70 %). Самая большая группа «русских» беженцев в основном состояла из белорусов и украинцев. В меньшую по численности группу вошли поляки, латыши, литовцы, евреи, немцы-колонисты и другие национальности.

Коренное население приняло близко к сердцу положение вынужденных мигрантов и оказывало им помощь. Состоятельные сельские хозяева приняли на жительство около 70 % беженцев. Остальных разместили в городах. Беженцы с благодарностью отзывались о проявленной о них заботе при расселении.

Во втором параграфе исследуется обеспечение нужд беженцев в местах их временного размещения.

Закон от 30 августа 1915 г. гарантировал беженцам заботу о них и в местах временного проживания. В государственную систему попечения о беженцах были включены органы местного самоуправления. В их задачу входила выплата ежемесячных государственных пособий нуждавшимся беженцам до их

трудоустройства, содействие в подыскании работы, обеспечение за счёт государства медицинской, лекарственной и юридической помощью, одеждой и обувью. Кроме того, местные самоуправления занимались организацией приютов для детей-сирот, для неспособных к труду взрослых беженцев. Созданным с начала войны национальным и другим общественным организациям помощи беженцам государство продолжало оказывать финансовую поддержку. Наряду с самоуправлениями они получали государственные средства на выплату ежемесячных и других видов пособий. Большинство беженских семей было устроено на жительство к состоятельным сельским хозяевам, где они могли трудиться, зарабатывая на жизнь. В городах в условиях общего дефицита работников беженцы получали работу на различных предприятиях, в учреждениях, организациях. Сами беженцы отмечали, что, живя на пособие, надо было ограничивать себя во всём, поэтому они предпочитали иметь заработки. Потребность зарабатывать себе на жизнь стала особенно ощущаться беженцами с лета 1916 г., когда количество получавших государственное пособие было сокращено на четверть, а затем с октября 1916 г. наполовину. На практике встречались нарушения, связанные с назначением ежемесячных беженских пособий, своевременно устранявшиеся при их выявлении. Государство не имело возможности обеспечить всех беженцев одеждой и обувью. На удовлетворение этой потребности, прежде всего, были направлены усилия благотворительных организаций помощи беженцам, занимавшихся сбором пожертвований.

Востребованность благотворительной деятельности возросла в военный период по причине роста социальной напряженности в обществе. В этих условиях благотворительная деятельность, отличавшаяся всеобщностью и массовостью, показала свою способность быстрого реагирования на возникавшие социальные проблемы. Беженцы с благодарностью отзывались об отношении к ним как населения тыловых губерний, так и представителей власти, чью помощь они постоянно ощущали вплоть до октябрьских событий 1917 г.

Третий параграф посвящен пребыванию во внутренних губерниях России интернированного и депортированного населения из прифронтовых районов.

В течение всего военного периода из мест своего довоенного проживания во внутренних губерниях России выселялись лишь те неприятельские подданные, которые в установленном порядке признавались неблагонадежными. Неприятельских подданных из западных приграничных районов империи, пересылаемых российскими властями этапным порядком вглубь страны, размещали в центральных губерниях Европейской России лишь временно, здесь оседало незначительное их количество. В феврале-марте 1915 г. подданные Германии и Австро-Венгрии непризывного возраста получили право за свой счет выехать на родину.

Специальным местом высылки рассматриваемый регион стал для интернированных военнообязанных подданных Османской империи из

приграничных территорий Кавказского региона. Они прибывали на жительство без семей, подавляющее большинство составляли неимущие чернорабочие. Их размещение было связано с большими трудностями из-за недостатка свободных помещений. Проживание в тесноте способствовало распространению эпидемии тифа, которая, например, в Калужской губернии в 1914 – 1915 гг. унесла жизни 12% турецких подданных. Все трудоспособные турецкие подданные содержали себя сами, имея заработок. Временно нетрудоспособным на местах оказывалась материальная и медицинская помощь.

В центральных губерниях Европейской России также размещали имевших русское подданство немцев-колонистов и евреев с семьями, подозревавшихся в шпионаже и депортированных из районов боевых действий. При отсутствии заработка им полагалось специальное казенное пособие, а с августа 1915 г. – беженское, если за ними не был установлен надзор полиции.

В четвертом параграфе рассмотрено положение вражеских военнопленных в регионе.

Для приёма военнопленных организовывались сборные пункты и места постоянного размещения. В рассматриваемом регионе военнопленные размещались казарменным порядком в специально нанятых и приспособленных помещениях. Положение «полной свободы» военнопленных, по поводу которого выражало недовольство население провинции, стало возможным благодаря позиции, занятой держателями военнопленных, в т. ч. общественными самоуправлениями, которые, используя труд военнопленных в виде малочисленных, до 10 человек, групп и военнопленных-одиночек, не обеспечивали их охрану, считая её экономически невыгодной. В сельской местности военнопленные проживали вместе с хозяевами и отпускались ими всюду без присмотра. Кроме того, надзор за военнопленными и в пунктах постоянного размещения не был удовлетворительным благодаря попустительству со стороны как воинских чинов, непосредственно несших охрану и отвечавших за ее организацию, так и чинов полиции.

Труд военнопленных использовался, прежде всего, в сельском хозяйстве, а также на железной дороге, промышленных предприятиях, на городских общественных работах. На работодателя возлагались все расходы по доставке, охране и содержанию военнопленных. Труд пленных оплачивался, в установленном порядке они обеспечивались продовольствием, одеждой, обувью, медицинской помощью. Всего в рассматриваемом регионе к 1917 г. работали более 40 тыс. военнопленных.

После введения в практику летом 1915 г. дисциплинарных взысканий отказы военнопленных от работ в рассматриваемом регионе стали регистрироваться значительно реже. От непрестижных городских общественных работ в ассенизационных обозах, на свалках военнопленные отказывались гораздо чаще, чем от полевых. На протяжении всего военного периода побеги военнопленных,

находившихся в центральных губерниях Европейской России, были редки, несмотря на слабый надзор.

В просьбах о приобретении российского подданства военнопленным всегда отказывалось, зато предлагалось вступать в национальные воинские формирования, чтобы вместе с российской армией сражаться против Германии и её союзников. Для населения было характерно сочувственное отношение к раненым, а также к добросовестно трудившимся военнопленным.

Глава III «Бывшие русские военнопленные Первой мировой войны в Советской России. Центропленбеж и его местные органы» состоит из двух параграфов. *В первом параграфе* освещается процесс возвращения из плена бывших русских военнопленных и государственные меры их поддержки.

Возвращение на родину русских военнопленных началось в соответствии с Брестским мирным договором с середины лета 1918 г., оно продолжалось до 1925 г. включительно. При этом на начало 1918 г. в плену оставалось чуть более 1,6 млн военнослужащих русской армии. Из этого количества, за исключением умерших в плену, оставшихся в Европе, вернувшихся в Прибалтийские государства, в Советскую Россию могли возвратиться чуть более 1,1 млн человек (100 %). За весь период усилиями советских эвакуационных органов в Россию была возвращена только половина русских военнопленных (51 %), а остальные возвращались из плена самотеком или в качестве добровольцев белогвардейских вооруженных формирований.

Начавшееся с ноября 1918 г. массовое стихийное возвращение на родину русских военнопленных побудило большевистскую власть, обеспокоенную тем, как они воспримут происходящее в России, заявить о материальной поддержке возвращавшихся из плена с принятием в ноябре – декабре 1918 г. соответствующих законодательных актов. В действительности объявленная помощь реальной поддержкой для военнопленных не стала по причине её совершенно недостаточных размеров, и, кроме того, получение помощи было связано с большими трудностями из-за неудовлетворительного её финансирования. При этом некоторые виды помощи, например, получение вещевого довольствия в виде отдельных предметов обмундирования, распространялись даже не на всех из самых неимущих бывших военнопленных.

Во втором параграфе проанализирована агитационно-пропагандистская работа культпросвета Центропленбежа среди бывших русских и вражеских военнопленных и беженцев.

В связи с предстоявшим обменом военнопленными в соответствии с Брестским мирным договором в составе Центропленбежа в июне 1918 г. был создан культурно-просветительный отдел, в задачи которого входила организация и проведение среди возвращавшихся в Россию русских военнопленных политической пропаганды и агитации, направленных на «правильное» восприятие ими советской действительности. В период стихийного движения военнопленных

на родину в конце 1918 – начале 1919 гг. большевики всерьёз опасались массовых публичных проявлений недовольства с их стороны по поводу того, чем их, до крайней степени голодных, усталых, раздетых и больных, встречали. Они понимали, что приветственные речи агитаторов, звучащие от самой границы, не могли принести облегчения и улучшить настроение возвращавшихся, т.к. не утоляли голода и не защищали от холода. Чувствуя настроение прибывавших из плена, агитаторы предупреждали их о суровой ответственности за всякое проявление недовольства советской властью, учитывая сложность политического момента. Одновременно сторонникам советской власти, особенно готовым защищать её с оружием в руках, обещалась помощь со стороны государства. В действительности не оправдались ни опасения большевиков в отношении массовых протестных проявлений, ни их планы по добровольному привлечению бывших русских военнопленных в Красную армию.

Агитационно-пропагандистские усилия культпросветотделов губ- и уездпленбежей, созданных осенью-зимой 1918 г., также были направлены на увеличение рядов Красной армии за счет бывших русских военнопленных. Возвращавшихся военнопленных снабжали листовками, в которых их призывали «мстить бывшим генералам и помещикам». Местная периодическая печать тоже была в распоряжении культпросветотделов губпленбежей. На уездном уровне работа культпросветотделов в основном заключалась в раздаче агитационной литературы, получаемой из центра, а также в политических беседах с прибывающими на родину бывшими русскими военнопленными. Для агитации в среде беженцев привлекались эмиссары Белнацкома, лекторы из уездных комитетов РКП(б). С окончанием массового возвращения русских военнопленных весной 1919 г. культпросветотделы уездных пленбежей были упразднены, их деятельность признавалась проверяющими «незначительной». В губпленбежах культпросветотделы просуществовали до конца 1919 г. Сами агитаторы считали свою работу неэффективной, потому что, несмотря на их усилия, вынужденных мигрантов Первой мировой войны (как и коренное население) продолжал беспокоить главным образом продовольственный вопрос. Кроме того, беженцев волновала проблема скорейшего возвращения на родину, но не политическое положение Советской республики и судьба мировой революции. Так, бóльшая часть беженцев (как и вражеских военнопленных) самостоятельно покинула Россию до начала 1920 г. Приходится констатировать, что условия жизни, в которых находились пленные и беженцы в Советской России, оказали на них гораздо более сильное влияние, чем коммунистическая пропаганда.

IV глава «Военнопленные Четверного союза в Советской России (1917 – 1925 гг.) состоит из двух параграфов. *Первый параграф* посвящен положению военнопленных в Советской России.

Вскоре после прихода к власти большевики приравнивали военнопленных к иностранным гражданам нейтральных государств. Проводившаяся в стране

экономическая политика лишила военнопленных возможности зарабатывать себе на жизнь, и они устремились к западной границе, чтобы уехать на родину. Тем, кому это не удалось, перемещались по стране в поисках мест, где можно было бы прокормиться и заработать на отъезд или дождаться окончания войны. С мая 1918 г. власти стали принимать меры к сбору пленных в лагеря, где они находились на голодном пайке в условиях грубого и бесцеремонного отношения к ним со стороны охраны. Освободиться из плена теперь можно было только после принятия российского гражданства или вступления в одно из советских вооруженных формирований.

К политической агитации среди беспартийной массы военнопленных австро-венгерской армии и их принудительной мобилизации в Красную армию были привлечены военнопленные-коммунисты. Всего в Красную и белые армии было привлечено 7 % от общего количества военнопленных, находившихся в России на январь 1918 г. Между тем в армии среди бывших военнопленных получили распространение антивоенные настроения, отмечался «упадок духа» и нарушения воинской дисциплины. В ноябре 1918 г. для агитационно-пропагандистской работы в Венгрию был направлен весь состав президиума венгерской партийной группы при ЦК РКП(б). Одновременно для вооруженной борьбы с «венгерской буржуазией» беспартийным военнопленным предлагалась доставка до границы и оружие. В мае 1919 г. в России была проведена мобилизация военнопленных венгров в Красную армию Советской Венгрии.

С 1920 г. зарегистрировавшихся для отъезда на родину военнопленных вместо репатриации отправляли на принудительные работы по восстановлению народного хозяйства. Уклонявшиеся или самовольно оставившие работы подлежали заключению в концентрационные лагеря принудительных работ или передаче в распоряжение отделов принудительных работ для назначения на работы по нарядам.

Во втором параграфе проанализирован процесс возвращения иностранных военнопленных на родину.

Репатриация военнопленных осуществлялась двумя способами: централизованно и самостоятельно. Из двух миллионов солдат и офицеров, взятых в плен российской армией, к началу 1918 г. в России находилось на 199 тыс. военнопленных меньше за счёт умерших, возвращенных на родину по инвалидности и отправленных в нейтральные и союзные страны. Централизованный обмен военнопленными осуществлялся Центропленбежем с конца июля по 30 октября 1918 г. За этот период было отправлено на родину 9 % военнопленных. При этом советской стороной неправомерно задерживалось возвращение на родину здоровых военнопленных, «гражданских» пленных призывного возраста, а также тормозилась внеочередная отправка пленных, желавших ехать на родину за свой счёт. В то же самое время беспрепятственно

отправлялись в сторону границы военнопленные венгры, давшие согласие воевать против «своей буржуазии».

Возобновление обмена военнопленными, приостановленного в конце 1918 г., произошло в 1920 г., после заключения соответствующих межгосударственных соглашений. Процесс возвращения оставшихся в России 7 % военнопленных продолжался более 5 лет, с 1920 по 1925 г. включительно, чему способствовала политика советского руководства, направленная на задержку военнопленных призывного возраста польской национальности, галичан, украинцев, офицеров, а также мобилизованных в Красную армию.

Основным способом репатриации военнопленных стало их самостоятельное возвращение в 1918 – 1919 гг., когда выехали 84 % военнопленных (включая погибших и умерших от ран и болезней).

Глава V «Положение беженцев Первой мировой войны в 1918 – 1919 гг. Центропленбеж» состоит из двух параграфов. *В первом параграфе* рассмотрена деятельность общественных демократических организаций – Советов беженцев.

В ноябре 1917 г. на II Всероссийском съезде беженцев делегаты проголосовали за программу государственной помощи беженцам на местах их временного пребывания и после возвращения на родину. В программе определялся порядок и сроки реэвакуации. С целью реализации принятой программы с января по апрель 1918 г. повсеместно на демократических началах прошли выборы в Советы беженцев, от губернских до волостных. Советы беженцев до середины лета 1918 г., т.е. до своей ликвидации, из остатка денежных средств упразднённых новой властью досоветских беженских организаций занимались обеспечением нужд беженцев: осуществляли выплату пособий нуждавшимся, доставку продовольствия к месту проживания, финансирование национальных школ, приютов и убежищ, отправку беженцев в восточные и юго-восточные районы России, лучше обеспеченные продовольствием. Со своей стороны советское государство отказалось от финансирования принятой в 1917 г. программы помощи беженцам и упразднило Советы беженцев. С ликвидацией общественных организаций беженцев была окончательно похоронена созданная в период Первой мировой войны система попечения о беженцах.

Во втором параграфе рассмотрено пребывание беженцев в Советской России в 1918–1919 гг., их взаимоотношение с советскими эвакуационными органами.

Система советских эвакуационных органов, возглавляемая Центропленбежем, сложилась в основном к середине лета 1918 г., когда большинство её органов на местах приступило к работе. Беженцы поступали в ведение Центропленбежа только с «момента их реэвакуации»⁵⁸. Начала реэвакуации как спасения ожидали поголовно все беженцы, находившиеся летом 1918 г. в России. Они благодаря

---

⁵⁸ Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 462–463.

экономической политике новой власти лишились работы – основного источника своего существования; беженских пособий их тоже лишили.

По условиям Брестского мирного договора от России были отторгнуты территории, которые большинство беженцев оставило в 1915 г. В связи с этим беженцам было предложено в месячный срок заявить о своем желании сменить гражданство. Установленный срок пришлось продлять трижды. Однако с аннулированием Брестского мирного договора в ноябре 1918 г. выход из российского гражданства и реэвакуация беженцев, начатая Центропленбежем, были приостановлены на неопределенное время. Не подавшие ходатайств о выходе из российского гражданства в установленный срок считались российскими гражданами, при этом мужское население призывного возраста обязали отбывать воинскую повинность, за исключением уроженцев Польши.

Условия, в которых оказались беженцы в Советской России, заставляли их принимать меры для собственного спасения. В начале 1918 г. они стали участниками массового стихийного переселения за Урал, наряду с остальным голодавшим населением. Многие устремились на родину, не взирая на присутствие там немецких оккупантов. Центропленбеж реагировал на самовольные отъезды отрицательно: беженцев предписывалось повсеместно снимать с поездов, однако такие указания на местах исполнялись плохо, т.к. новых беженцев негде было размещать. С сентября 1919 г. самовольно едущих беженцев задерживали и направляли на принудительные работы. Тем, кому не удавалось выехать из голодного центра России, приходилось постоянно отправляться на заработки в другие регионы, заниматься мешочничеством и нищенством. Многочисленные обращения беженского населения и местных органов власти и пленбежей в центр по поводу оказания помощи беженцам, реэвакуация которых не осуществлялась, оказались безрезультатными, хотя в начале 1919 г. Губпленбежам были обещаны кредиты.

Из шести центральных губерний Европейской России, в которых было размещено немногим более 400 тыс. беженцев, половина выехала в 1918 г., до образования уездных органов Центропленбежа, самостоятельно или с помощью прежних беженских организаций. Централизованная отправка оставшейся половины беженцев осуществлялась лишь в случаях их «особо критического положения», по заключению Центропленбежа на основе ходатайств с мест, она составила около 7,5 %. Между тем самостоятельно покинули территорию региона или стали жертвами голода и болезни около 35,5 % беженцев.

Глава VI «Судьба беженцев в 1920 – 1925 гг. Центрэвак» состоит из трёх параграфов. *В первом параграфе* рассматривается начальный период возобновившейся в 1920 г. реэвакуации беженцев.

С 1920 г. главной задачей советских эвакуационных органов стала перевозка населения на работы по восстановлению хозяйства страны по направлению отделов труда и принудительных работ. В связи с этим в начале года

Центропленбеж подвергся очередной реорганизации и получил название Центрэвак. Во втором полугодии 1920 г. Центрэвак возобновил реэвакуацию беженцев, остановленную в конце 1918 г. Это касалось только уроженцев Латвии и Эстонии. Централизованная реэвакуация уроженцев Литвы, Западной Белоруссии, Украины и Польши в 1920 г. не планировалась.

Надо отметить, что составление эшелонных списков являлось исключительно правом советской стороны, т.е. Центрэвака. Пользуясь этим правом, Центрэвак негласно тормозил реэвакуацию, преследуя определенные цели, которые излагались в секретных инструкциях, адресованных его местным органам. В результате мужское беженское население призывного возраста вместо отъезда на родину вынужденно отбывало воинскую повинность, а квалифицированные рабочие и служащие – трудовую. Кроме того, оформление отправки задерживалось в связи с отменой нормативных актов, ранее регламентировавших этот процесс. Отъезд беженцев, уже включенных в эвакуационные списки, тормозился из-за непредоставления Центрэваком нарядов на вагоны.

Неурожай хлебов и трав в центре Европейской России в 1920 г. вызвал массовое стихийное перемещение коренного населения в Сибирь и юго-восточные губернии. Государство было вынуждено легализовать переселение, но в очень ограниченных размерах. При этом включать беженцев в число легальных переселенцев запрещалось. В сложившейся ситуации в 1920 г. произошел новый подъем несанкционированного беженского движения в восточном и юго-восточном направлениях, а часть беженцев выехала из центральных регионов к западной границе, намереваясь вернуться на родину. Это происходило при содействии местных органов власти и местных эвакуационных органов вопреки распоряжениям Центрэвака.

В результате освобождение более чем на 50 % центральных губерний Европейской России от беженцев в 1920 г. произошло главным образом путем несанкционированного отъезда. А централизованно из Калужской, Тульской, Орловской, Брянской и Курской губерний в 1920 г. было отправлено не более 10 тыс. человек, по 1,5 – 2 тыс. из каждой.

Во втором параграфе освещаются особенности реэвакуационного процесса в 1921 г.

В 1921 г. местные органы Центрэвака продолжили регистрацию латвийских беженцев и приступили к регистрации литовских и польских. Возрастание объема реэвакуационной деятельности не сопровождалось улучшением организации этого процесса. Недовольство по этому поводу выражали не только беженцы и зарубежные уполномоченные по делам беженцев, но и работники органов Центрэвака на местах. Тем не менее в 1921 г. из каждой из семи рассматриваемых центральных губерний было реэвакуировано по 2,5 – 5,5 тыс. беженцев; всего более 25 тыс., что в 2,5 раза больше, чем в 1920 г. Вместе с тем с весны 1921 г. в регионе снова возросло беженское самодвижение, например, выехавших

самостоятельно из Воронежской губернии было в 2,5 раза больше, чем отправленных за счёт Центрэвака.

В 1921 г. из районов Поволжья, охваченных голодом, началось стихийное движение-бегство размещённых там в 1915 г. беженцев, а также вынужденно переселившихся в этот регион уже в советское время. Они направлялись на родину как по железной дороге, так и гужевым способом. В сложившейся ситуации Центрэвак был просто вынужден изменить свою запретительную тактику по отношению к самостоятельно перемещавшемуся по территории страны населению. Им были приняты меры к оформлению документов, формированию из нелегальных беженцев эшелонов и даже к нелегальной отправке в Польшу всех скопившихся в приграничных районах беженцев. В итоге за 1921 г. через российские пограничные пункты проследовало почти 500 тыс. репатриантов в Польскую республику и около 200 тыс. в Прибалтийские государства, без учёта не регистрировавшихся на контрольно-пропускных пограничных пунктах репатриантов, количество которых неизвестно.

Завершающему периоду возвращения на родину беженцев Первой мировой войны посвящён *третий параграф*.

В начале 1922 г. были ликвидированы уездные, а затем и губернские управления по эвакуации населения. К 1923 г. процесс упразднения эвакуационной службы завершился ликвидацией Центрэвака и уничтожением в 1924 г. большого массива документов этой организации. В результате реэвакуацией стали заниматься губисполкомы во взаимодействии с эвакуационным отделом Наркомата внутренних дел. После упразднения Центрэвака, до завершения репатриации в 1925 г., качество репатриационной работы по-прежнему вызывало множество жалоб и нареканий.

К 1923 г. на территории Европейской России оставалось 32,5 тыс. зарегистрированных беженцев, в т.ч. в Воронежской, Калужской, Курской, Орловской и Тульской губерниях – более 7 тыс. человек. Последним сроком подачи заявлений на выезд из СССР было определено 1 октября 1924 г., а с 5 мая 1925 г. все беженцы, ещё находившиеся в СССР, становились советскими гражданами и могли ехать на родину исключительно в общем порядке.

Основные причины, по которым не все желавшие смогли выехать на родину в эвакуационном порядке – это отсутствие или утрата документов, подтверждавших статус беженца, а также пропуск срока окончания репатриации чаще всего по вине советских органов.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы основные выводы.

Массовая эвакуация населения прифронтовых территорий в тыловые районы империи с августа по конец 1915 г. была мерой вынужденной, обусловленной военной необходимостью. На этапе гужевого движения до железнодорожных станций эвакуация из-за своих огромных масштабов не обошлась без людских

потерь, несмотря на помощь, организованную государством. Между тем наибольшие людские потери среди беженцев наблюдались в советский период.

Около 70 % беженцев приняли на жительство состоятельные сельские хозяева, обеспечивавшие их работой. Беженцы, размещенные в городах, учитывая дефицит рабочих рук, также имели возможность трудиться, зарабатывая себе на жизнь на многочисленных предприятиях, в заведениях, конторах, обществах. 1915 год стал годом создания государственной системы попечения о беженцах, в которую были включены местные общественные управления. В результате нуждавшиеся беженцы получили государственный продовольственный и квартирный пайки, медицинскую и лекарственную помощь, содействие в получении работы, другие виды помощи. В рассматриваемом регионе на начало 1916 г. было размещено около 350 тыс. беженцев. Проблемы, возникавшие на этапе расселения беженцев, носили лишь временный характер, из других проблем следует отметить неудовлетворенный спрос беженцев на одежду и обувь, которыми их обеспечивало государство в недостаточном количестве.

Дефицитом рабочей силы, особенно в сельскохозяйственном производстве, объясняется пребывание в центре европейской России военнопленных Первой мировой войны. К 1917 г. в рассматриваемом регионе находилось более 40 тыс. военнопленных. Все расходы, связанные с доставкой, содержанием и охраной военнопленных были возложены на работодателей. Между тем неудовлетворительной следует признать организацию охраны небольших групп и отдельных военнопленных, в т.ч. городскими и земскими самоуправлениями, считавшими её экономически невыгодной. При этом побегии военнопленных не носили массового характера.

Высылка из центральных губерний вражеских подданных, проживавших там до войны, осуществлялась лишь в случае признания их неблагонадежными. Немцы-колонисты и еврейское население из приграничных районов, оказавшиеся с 1915 г. в центральных губерниях, в случае несостоятельности получали государственную помощь наравне с беженцами.

Досоветская система попечения о беженцах, эффективность которой в значительной степени определялась её опорой на самообеспечение большинства беженских семей, перестала работать при экономической политике, проводимой большевиками. Эта политика также пагубно отразилась на содержании военнопленных. В результате началось самостоятельное перемещение вынужденных мигрантов по стране в поисках пропитания, а также в направлении западной границы для выезда на родину. Им содействовали досоветские беженские организации, а после их упразднения Советы беженцев.

Преемниками организаций помощи беженцам, созданных в имперский период, стали Всероссийский союз беженцев и Советы беженцев на местах. На своем Всероссийском съезде в ноябре 1917 г. беженцы проголосовали за программу государственной помощи беженскому населению до реэвакуации и

после её начала. Большевики проигнорировали программу и упразднили Советы беженцев, тем самым окончательно уничтожив созданную в период Первой мировой войны систему попечения о беженцах.

Центропленбеж и его органы на местах начали реэвакуацию вынужденных мигрантов Первой мировой войны в августе 1918 г. При этом бесплатная реэвакуация, проводившаяся Центропленбежем и его преемниками, не стала основным способом возвращения на родину всех категорий вынужденных мигрантов Первой мировой войны. Так, самостоятельный отъезд из России иностранных военнопленных составил более 80 % от их численности на начало 1918 г.; половина всех вернувшихся в Россию бывших русских военнопленных возвращалась стихийно в массовом порядке; половина беженцев, размещенных на территории рассматриваемого региона, самостоятельно покинула его ещё до образования органов Центропленбежа.

Централизованный реэвакуационный процесс отличался неорганизованностью и всячески тормозился советской стороной, вопреки международным договоренностям, в т.ч. практиковалась мобилизация ожидавших реэвакуации беженцев и военнопленных в Красную армию, отказ в регистрации военнослужащим до их увольнения, служащим и рабочим советских предприятий и учреждений, отмена ранее принятых нормативных актов, сводящая к нулю всю прежде проделанную на местах работу по оформлению отъезда из России; непредоставление нарядов на вагоны. Свободно отправляли на родину лишь беженцев и военнопленных членов коммунистической партии. Советское правительство стремилось не к тому, чтобы как можно скорее за свой счёт, в соответствии с международными обязательствами, возвратить всех мигрантов на родину, а к тому, чтобы как можно скорее прекратить бесплатную отправку под предлогом отсутствия на своей территории желавших выехать из страны.

В 1920 г. вследствие неурожая хлебов и трав, постигшего центральные районы Европейской России, беженцы, спасаясь от голода, присоединились к массовому стихийному движению коренного крестьянского населения за Урал. Центральная власть, частично легализовав этот процесс, запретила переселять беженцев. Однако на местах власти и эвакуационные органы способствовали их отъездам, учитывая тяжелое продовольственное положение в регионе. В 1921 г. гораздо более масштабное стихийное движение беженцев из районов Поволжья заставило Центрэвак заниматься репатриацией так называемых нелегальных беженцев, наводнивших Западную область. В итоге за 1921 г. только через российские пограничные пункты проследовало почти 500 тыс. репатриантов в Польшу и около 200 тыс. в Прибалтийские государства, количество нерегистрировавшихся репатриантов осталось неизвестным. Таким образом, в 1921 г. ускоренные темпы реэвакуации Центрэваку были фактически продиктованы стихийным движением на запад беженцев – самой многочисленной группы вынужденных мигрантов. Репатриация беженцев продолжалась до 1925 г.,

когда они были объявлены советскими гражданами. Репатриация иностранных военнопленных закончилась также в 1925 г., после чего их выезд из страны осуществлялся в порядке, установленном для иностранцев.

Проведенное исследование показывает, что период пребывания беженцев в тыловых губерниях до октября 1917 г. стал для них наименее трудным и наиболее спокойным периодом их беженской жизни. Они с благодарностью отзывались о помощи со стороны властей и коренного населения.

Привлечению беспартийной массы военнопленных в Красную армию главным образом способствовала тяжелая экономическая ситуация в стране и принудительная мобилизация в случае отказа от военной службы. Так, количество военнопленных, вступивших в Красную армию в 1918 г. на территории исследуемого региона, не достигало 1,5 % от их общей численности к началу 1918 г. В масштабе всей России в 1918 г. в Красную и белые армии было привлечено около 7 % военнопленных. Мобилизация военнопленных в различные советские вооруженные формирования, а также в Красную армию Советской Венгрии проводилась с помощью военнопленных-членов иностранных партийных групп при ЦК РКП(б). С их помощью революционным путем учреждались советы иностранных рабочих и солдатских депутатов вместо ликвидированных иностранных миссий по делам военнопленных, в 1918 г. велась агитация за возвращение на родину с оружием для борьбы против национальной буржуазии. В 1920 г. военнопленных агитировали за участие в восстановлении разрушенного хозяйства России.

В конце 1918 – начале 1919 г. русские военнопленные стихийно в массовом порядке покидали лагеря и устремлялись к российской границе. В этот период вернулась почти половина всех пленных, возвращавшихся в Россию с 1918 по 1925 г. Большевики опасались массовых публичных проявлений недовольства со стороны возвращавшихся пленных по поводу того, как и чем встречали их, измученных, голодных, грязных, оборванных. Были приняты меры к тому, чтобы агитаторы Центропленбежа встречали бывших русских военнопленных у самой границы и, сопровождая их, от имени советского правительства обещали в скором времени государственную поддержку в случае благожелательного отношения к советской власти, а также наказание за нелояльное к ней отношение. Кроме того, не способствовали возникновению массовых проявлений недовольства новой властью состояние крайней усталости, стремление добраться как можно скорее домой, сумма лагерных, а также дорожных впечатлений о Советской Республике как о военном лагере, живущем по законам военного времени. Однако это не означало, что возвращавшиеся русские военнопленные были готовы защищать новую власть. Добровольно в Красную армию они в массе своей не пошли, но приняли участие в антибольшевистских крестьянских восстаниях, прокатившихся в 1918 – 1919 гг. по территории России, в т.ч. её европейского центра.

Государственная помощь при всей своей недостаточности на практике оказалась для бывших русских военнопленных малодоступной, т.к. декреты советского правительства о государственной поддержке носили декларативный характер, не получив соответствующего финансового обеспечения. Оформление пенсий затягивалось на несколько месяцев, а денежной выплаты за время плена приходилось зачастую ожидать до нового призыва бывшего пленного в армию.

Подводя итог, отметим, что в связи со сменой политического режима в октябре 1917 г. беженцы – самая многочисленная группа вынужденных мигрантов Первой мировой войны – очень скоро лишились всего, чем их обеспечила имперская власть в местах временного размещения: работы, пайков, различных льгот, скорой эвакуации, компенсации убытков, причиненных войной, и оказались за гранью выживания. Под угрозой оказалась личная безопасность беженцев, возникли проблемы и с сохранностью их имущества. В таких условиях многие беженцы оставались в течение 5-7 лет и принуждались к вооруженной защите советского строя и новой власти, ставшей виновницей их новых бед и потрясений, более сильных, чем они пережили с началом мировой войны. Выживание в условиях советской действительности стало новым большим испытанием и для военнопленных Первой мировой войны.

Приложения к работе включают материалы, иллюстрирующие положение беженцев и военнопленных в России в период 1914 – 1925 гг., а также список используемых сокращений.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в следующих работах:

Монографии

1. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914–февраль 1917 г. / под ред. *Г.А. Бордюгова.* – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. (Серия «АИРО – Первая монография»). (18 п.л.) ISBN 978-5-91022-164-6.

[*Рец.: Букалова С.В.* Российская провинция в годы «Забытой войны» 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 53].

2. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (Серия «АИРО – монография»). М.: АИРО-XXI, 2014. – 432 с. (27 п.л.) ISBN 978-5-91022-272-8.

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

3. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны в российской провинции: Советы беженцев. 1918 г. // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (2011): История. Литературоведение. Право. Языковедение. С. 26–30. (0,4 п.л.)

4. *Белова И.Б.* Положение беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1921 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-

теоретический и прикладной журнал. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Часть II. С. 26–29. (0,6 п.л.)

5. *Белова И.Б.* Судьба беженцев Первой мировой войны из Западных губерний Европейской России и Польши в Советской России. 1920 г. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. Вып. 6: Гуманитарные науки. С. 110–117. (0,5 п.л.)

6. *Белова И.Б.* Реввакуация беженцев Первой мировой войны из Советской России в 1922–1923 гг.: заключительный этап // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 167–176. (0,5 п.л.)

7. *Белова И.Б.* Попечение о беженцах Первой мировой войны в системе Центропленбежа (1918–1919 годы) // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3. С. 185–194. (0,5 п.л.)

8. *Белова И.Б.* Возвращение на родину русских военнопленных и меры советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27). Часть I. С. 24–28. (0,6 п.л.)

9. *Белова И.Б.* Долгая дорога домой // Военно-исторический журнал. 2013. № 1. С. 68–71. (0,5 п.л.)

10. *Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Часть. I. С. 32–37. (0,7 п.л.)

11. *Белова И.Б.* Переселенческое движение крестьян в первые годы советской власти (по материалам Центральные губерний Европейской России) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия: социально-гуманитарные науки. № 11 (15). 2013. Том 1. С. 13–20. (0,6 п.л.)

12. *Белова И.Б.* Политическое просвещение пленных и беженцев в Советской России в 1918 – 1919 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 14–20. (0,9 п.л.)

13. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. Вып. 12: Гуманитарные науки. С. 51–62. (0,8 п.л.)

14. *Белова И.Б.* Военнопленные Центральные держав и советская действительность // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 63–68. (0,7 п.л.)

15. *Белова И.Б.* Военнопленные Четверного союза в России // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 160–170. (1,2 п.л.)

16. *Белова И.Б.* Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник Вятского гуманитарного государственного университета. 2014. № 4. С. 72–77. (0,5 п.л.)

17. *Белова И.Б.* Подавать им по утрам кофе с сахаром? Военнопленные в Центральной России // Родина. 2014. № 8. С. 131–133. (0,5 п.л.)

18. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны в Советской России. 1918 – 1919 гг.» // Гуманитарные науки в Сибири. Издательство Сибирского отделения РАН. 2014. № 3. С. 32–36. (0,6 п.л.)

Работы, опубликованные в других научных изданиях

19. *Белова И.Б.* Беженцы из западных территорий в Центральной России (по материалам Калужской и Орловской губерний) // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность (к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений). Материалы международной научной конференции, Витебск, 11-12 ноября 2008 г. Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. С. 142–144. (0,3 п.л.)

20. *Белова И.Б.* Значение местных архивных источников в изучении российской провинции в период Первой мировой войны // Материалы научной конф., посвященной 90-летию Государственного архива Калужской области. Калуга: ООО «Изд-во научной литературы «Ноосфера», 2010. С. 310–323. (0,6 п.л.)

21. *Белова И.Б.* Проблемы военной мобилизации в 1915 году (по материалам Калужской и Орловской губерний) // Вестник Калужского университета. 2010. № 1. С. 46–49. (0,3 п.л.)

22. *Белова И.Б.* Источники по проблеме переселения крестьян из Калужской губернии в районы Сибири в 1920 г. // Актуальные проблемы Аграрной истории Восточной Европы: Источники и методы исследования. XXXII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. М., 2010. С. 107–109. (0,1 п.л.)

23. *Белова И.Б.* Попытки формирования нового советского человека в среде бывших военнопленных и беженцев Первой мировой войны // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / под ред. *Е.В. Кодина*. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. (История сталинизма. Дебаты). С. 287–294. (0,5 п.л.)

24. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны: Советы Беженцев в Калуге. 1918 г. // Мансуровский сборник. Выпуск третий. Тула: Музей-усадьба «Ясная Поляна», 2011. С. 234–240. (0,4 п.л.)

25. *Белова И.Б.* Переселение крестьян Калужской губернии в Сибирь и Юго-Восточные губернии России в 1920-1921 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 287–295. (0,5 п.л.)

26. *Белова И.Б.* Военнопленные Центральноевропейских держав в Советской провинции. 1918–1919 гг. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 5-7 апреля 2011 г. Калуга: «Полиграф-Информ», 2012. С. 207–211. (0,5 п.л.)

27. *Белова И.Б.* Военнопленные Центральноевропейских стран на территории Европейской части Советской России // Первая мировая война, Версальская система и современность: сборник статей / отв. ред. *И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. С. 128–136. (0,8 п.л.)

28. *Белова И.Б.* Военнопленные Первой мировой в российской провинции в первые годы советской власти: приём в российское гражданство // Мансуровский

сборник: материалы Мансуровских чтений. Выпуск 4-й. Тула, 2012. С. 241–244. (0,2 п.л.)

29. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны из западных губерний: эвакуация и расселение (по материалам центральных губерний Европейской России). // Сборник научных работ лауреатов конкурса им. Е.Р. Дашковой. Вып. 6. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. С. 92–105. (0,5 п.л.)

30. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты Первой мировой войны: гражданские пленные (По материалам центральных губерний Европейской России) // Брянский край в XX веке: общество, политика, экономика. Сборник статей и материалов научно-практической историко-краеведческой конференции / под общ. ред. *М.В. Брянцева, А.М. Дубровского, Е.В. Киселевой.* Брянск: изд-во ООО «Типография КАРАТ», 2012. С. 59–73. (0,9 п.л.)

31. *Белова И.Б., Гребенкин И.Н.* Первая мировая война: Великая забытая война // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией *Г.А. Бордюгова.* М.: АИРО-XXI, 2013. С. 1097–1123. (2,5 п.л.; авт. вклад – 50 %)

32. *Белова И.Б.* Государственная помощь русским военнопленным Первой мировой войны, возвращавшимся на родину (по материалам Калужской губернии) // Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Междунар. науч.-практ. конф. (29-30 ноября 2012 г., Москва). М.: Изд-во МНЭПУ, 2013. С. 69–77. (0,5 п.л.)

33. *Belova I.B.* POWs of World War I and the Soviet reality // «Empires and nations». Conference in the University of Rome La Sapienza-2013. Abstracts. Editing Antonello Folco Biadgini. Rome, 2013. P. 21. (0,1 п.л.)

34. *Белова И. Б.* Пребывание эвакуированных в Калужской губернии в годы Первой мировой войны // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию создания кафедры соц. наук ВА РБ, Минск, 16–17 мая 2013 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь; редкол.: *В. А. Ксенофонов* [и др.] - Минск, ВА РБ, 2013. С. 119–122. (0,2 п.л.)

35. *Белова И.Б.* «Мы пересели в поезд, который ехал в Калугу»: эвакуация и расселение беженцев Первой мировой войны в российской провинции (на примере Калужской губернии) // Первая мировая война и российская провинция. Материалы международной научной конференции, Орёл, 29 апреля 2014 г. Орёл: Издательский дом «Орлик». С. 91–98. (0,5 п.л.)

36. *Белова И.Б.* Депортации и интернирование в Российской империи в годы Первой мировой войны: историографический аспект // Научные труды КГУ им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Калуга изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 135–140. (0,3 п.л.)

37. *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны из Западных районов Российской империи в 1915–1917 гг.: историографический аспект // *Studia internationalia*: Материалы III междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» 2-4 июля 2014 г. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. С. 194–201. (0,6 п.л.)